

 АРАЖСКАЯ
• РУСЬ •

ВАРЯЖСКАЯ РУСЬ

Варяг

Место для битвы

Князь

Герой

Язычник

Княжья Русь

Государь

Богатырь

Золото старых богов

Доблесть воина

Смерти нет

Дерзкий

Я в роду старший

Сквозь огонь

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ
ДОБЛЕСТЬ ВОИНА

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

Разработка серийного оформления *Андрей Сауков*

Иллюстрация на обложке *Валерий Петелин*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Варяг. Доблесть воина / Александр Мазин. —
Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Варяжская Русь).

ISBN 978-5-04-169605-4

Княжич, рыцарь, ближний гридень великого князя — неплохой список достижений. Семнадцатилетний сын князь-воеводы Серегея Илья — опытный воин, могучий, умелый, знающий все, что должен знать воевода, владеющий полудюжиной языков, готовый повести в бой и десяток, и сотню, и тысячу, если понадобится. Однако ему только семнадцать, и оттого чувства частенько перевешивают стратегический расчет, а страсти оказываются сильнее разума. Но пока есть те, кто готов встать рядом в смертной битве, врагам не одолеть богатыря даже в самом неравном бою.

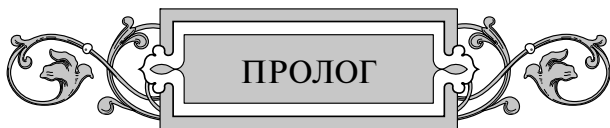
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мазин А. В., текст, 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-169605-4

ПРОЛОГ

Владиминова Русь вошла в последнее десятилетие первого тысячелетия сильной и обновленной. Однако и врагов, тайных и явных, слабых и сильных, у молодого государства хватало. Мелких хищников, мечтавших просто урвать шмат посочнее и удрать. И врагов сильных и грозных, мечтавших разорвать собранное из разновеликих земель государство на окровавленные и удобные для поглощения куски.

И удерживал их всех только страх. Понимание: дерни пардуса за хвост, и в следующий миг почувствуешь на горле его клыки.

Только это и останавливало.

Но не всех.

Вот почему в поход на хорватов Сергей Иванович не пошел. И людей своих великому князю не дал. Оставил себе сотню воев, а остальных частью перебросил в Морав, а частью отдал сыну Артёму, князю Уличскому. Уличской земле угрожала куда большая опасность, чем стольному Киеву. Духарев знал: гроза приближалась. Две большие орды степняков копились вблизи границ, выжидали непонятно чего.

То есть как раз понятно. Большие ханы Курэй и Питик привели своих людей уж точно не почтённые выразить.

Курэй особенно опасен. Старая подлая гадюка. Вдобавок кровник русам. Это он убил на Хортице Святослава, положив там же и его лучшую гридь. Сергей Иванович — единственный, кто тогда выжил. Да и то лишь потому, что копченые решили: мертв воевода.

То, что Курэй рискнул подойти к границе русских земель, — тревожный признак. Его кочевья неблизко. Духарев допускал: не по собственной инициативе явился большой хан. Ромеи подкупили. Официально меж Киевом и Константинополем вражды нет. Великий князь Владимир Автократору ромеев — родич. На сестре женат. Вдобавок император Василий ему — крестный. Выручил его Владимир в трудную годину, помог усидеть на троне. За то и обещали ему в жены порфирогенету, византийскую кесаревну. Обещать-то обещали, но когда нужда в подмоге прошла, попытались по обычной византийской повадке отыграть назад. Не вышло. Обиженный Владимир взял Херсонес-Корсунь, и пришлось Константинополю уступить. Вернее, поменяться. Корсунь на кесаревну. Так что могли, могли ромеи по той же всегдашней своей повадке натравить на Русь Курэя.

Большой хан Питик — иного пошиба. Этот только-только уселся на белую кошму предводителя орды. Для него сейчас главное — авторитет, так что и действовать он будет нагло и бесстрашно. Впрочем, это как раз в духе Хоревой, большой орды, которую он возглавил.

Две большие орды — уже много. А ведь есть еще и третья, Иртим, которая традиционно грозит

улицким землям. Именно с Иртим главным образом и бодается князь Уличский Артём. С Иртим и с независимыми уграми.

По счастью, дружбы между уграми и копчеными нет. Так же, как нет дружбы между Иртим и Хоревой. Вражда их родилась задолго до того, как возник на полоцкой земле Сергей Духарев. Конца ей не предвидится, и это хорошо.

А вот две большие орды на границе — это очень плохо.

Так что не рискнул князь-воевода Серегей передать даже часть своей дружины великому князю Владимиру. Хотя формально данное сыну Святослава обещание выполнил. Послал с великокняжеским войском младшего сына Илью.

Тот хоть и числился в лучших гриднях Владимира, но в состав киевской дружины не входил. Сейчас тоже оставался сам по себе. Командиром разведывательного дозора при головной части Владимирова войска, где старшим был давний друг их рода тысяцкий Волг Варяжко. Илью Варяжко принял охотно. Понимал, что будет от Ильи изрядная польза. Княжич уже бывал на хорватских землях и неплохо ориентировался. Особенно после того, как Сергей Иванович снабдил сына копией собственной карты.

ГЛАВА 1

Западная Русь. Будни боевого дозора

— Илья!

Лагодка. Илья улыбнулся девушкам, придержал заводную и поехал рядом с телегой.

С лекарами он познакомился пару дней назад. Викула, отрок из моровской дружины, которого Илья взял с собой в этот поход, получил стрелу в затылок. К счастью для Викулы, мрачноватого высокого кривича двадцати трех зим от рода, стрела была охотничья. Пробив кожаный тыльник, она растеряла почти всю силу и ушла вверх, не пробив, а лишь поцарапав крепкий отроков череп.

Лагодка Илье приглянулась, и Викула был передан в ее умелые руки. И впрямь умелые, потому что лекарка драть присохшие бинты не стала, а сначала размочила теплым травяным настоем заскорузлую от крови повязку, потом срезала спекшиеся в черный ком волосы, и лишь после этого взялась за саму рану: промыла, зашила, забинтовала чистым. И всё с приговором, от которого Викула не то чтобы сомлел, а задремал вроде...

И вот через два дня отрок снова в седле. А мог бы и неделю проваляться, а то и горячку подхватить.

Надо отметить, что это была первая боевая рана, полученная в нынешнем походе. Если, конечно,

можно назвать боевой рану, полученную от мальчика-хорвата, который стрельнул в руса в отместку за разграбленное сельцо.

* * *

Ограбили сельцо не русы, а какие-то бродяги, не имевшие к войску Владимира никакого отношения. Илья знал это наверняка, потому что в сельцо они вошли передовым дозором, на полверсты опередив голову походной колонны.

Паренька, понятно, изловили, но убивать его Илья не разрешил. Мальчишка, выстреливший пусть даже и в спину вооруженному воину, бронному всаднику, — хороший материал. Когда-то Илья и сам был таким. Правда, стрелял не в затылок, а в лицо, но всё же...

— Я — Илья Моровлянин, — сказал он побелевшему от ужаса парнишке, замершему в татуированных лапах нурмана Гудмунда. — Иди в город Моров, к наместнику. Скажи, что я велел взять тебя в детские. И больше не глупи. В другой раз не пощадят. Отпусти его, хольд.

— Неправильно это, — проворчал Гудмунд Праздничные Ворота. — Он нашего ранил. Кровь пролил. Кровь за кровь. Дай хоть руку ему отрублю!

— Викула! — обернулся Илья к пострадавшему. — Хочешь отомстить мальцу?

— Да пусть бежит, — проворчал кривич, заматывая голову льняной тканью: рана была не опасной, но кровила сильно.

— Гудмунд, если комар тебя куснет, ты тоже будешь за ним гоняться, чтоб лапку оторвать? — насмешливо спросил Илья. И добавил жестко: — Я сказал, отпусти его!

— Ты вождь. — Свей-нурман разжал пальцы, и мальчишка плюхнулся наземь прямо в навозную кучу. — И чтоб ты знал: мою шкуру не всякий комар прокусит.

— Викула, ты как? С нами или назад?

— С вами, — буркнул Викула, прилаживая шлем на забинтованную голову. Подшлемник пришлось спрятать, иначе не нашлось бы. — А куда?

— Малец же сказал: те, кто их пограбил, только что ушли. Нагнать хочу.

— Эй! Я с вами! Покажу, куда они пошли! — подал голос малец-хорват.

Русы засмеялись.

Два десятка грабителей, груженные добычей телеги. Такой след даже ночью не потеряешь.

— На-конь! — скомандовал Илья и кивнул в сторону Викулы: — Миловид, приглядывай. Возгарь, Малига — замыкаете. Нагнидуб — со мной. Ходу!

* * *

Работы у лекарей нынче немного. Настоящих схваток еще не было. Так, мелкие стычки дозоров, в которых русы неизменно побеждали. Больше пострадавших не от врагов, а по собственной неуклюжести и невезучести. У кого конь споткнулся, кто спину надорвал, застрявший воз из грязюки вытягивая, кто животом маялся...

А с одним совсем смешно вышло (Лагодка хихикнула) — на гнездо осиное сослепу помочился.

Лагодка — милая. И интерес у нее к Илье — хороший. Не похотливый, как у подружки ее Чаруши, а... душевный. Илье с ней поговорить — что домой вернуться. И помочь не в тягость.

Лекарям в большом походе всегда есть чем заняться. Для того чтоб обиходить раненых да полумертвых в бою, много чего требуется. Но это работа нетяжелая и несложная. Тем более что вытянуть увязшую в грязи телегу — и мужские руки сышутся. Да и пустые они, эти телеги, пока что. Сколько там веса в двух девушках? Пудов шесть?

Руки у лекарок заняты делом, зато языки свободны...

А тут — Илья!

К лекарям сын князь-воеводы всегда относился с особой лаской. Как-никак у него и матушка, и невестка целительницы. Так что заботился. То мясца подкинет свежего, то еще чем угостит. И другие вои при нем приставать побаивались. Всерьез, понятно, девушек не обидят, но многие на лекарок смотрят как на девок доступных. А это мало кому нравится. Даже... доступным. А тут глянет любитель сладенького на Илью, который рядом с телегой едет, и быстро сообразит, что девушки под его десницей.

А десница у княжича моровского ой тяжеленькая!

— Куда ездил, Илья Серегеич?

— Хвост проверял, Лагодка. По велению князьему. Не потерялись ли.

— А впереди что?

— Пустая дорога. В тот раз поучили шалунов, других пока не нашлось.

Но — найдутся. Вряд ли князь хорватский Собеслав откажется от мысли оставить русское войско без припасов. Это ж двойная выгода: и себе помочь, и врагу подгадить. А что смерды, у которых вынесли всё, включая посевное зерно, с голоду помрут, так это уже не Собеслава забота. Пусть теперь киевский князь думает, как данников своих примученных поддержать.

— Всё спокойно, не бойтесь...

* * *

— И зачем нам эти хапуги? — проворчал Бочар Нагнидуб, поравнявшись с Ильей. — Сколько они того зерна увели? На золотник и то не наберется. А отнимем, ты что, сам торговать его станешь?

— Во-первых, не на золотник, а побольше, и не только зерно, — Илья чуть придержал прибавившего рыси Голубя — жеребцу не понравилось, что его догнали. — Во-вторых, зачем торговать? Я его нашим фуражирам отдам. А в-третьих, Нагнидуб, мы нынче не по вражьи́м землям промышляем. Мы — передовой дозор великокняжьего войска!

— Не понял, — нахмурился Бочар. — Это же война. Значит, всё, что возьмем, — наше по праву! И поровну! — И, спохватившись: — Тебе, понятно, три доли как старшему.

Илья засмеялся:

— Это не вик нурманский, Бочар! И не война. Это, друже, возвращение того, что прежде было нашим, а потом отложилось. Так что со смердами здешними мы точно не воюем. Это как с брюквой воевать или с морковкой. А вот ежели кто этих смердов грабит, то с ним уже у нас война. И не как с честным врагом, а как с обычными разбойниками.

— Умный ты, — Бочар хмыкнул. — Так всё растолкуешь, что аж зуб нить начинает.

— Не тот ли, который тебе наемни Малига щитом вышиб? — ехидно поинтересовался Илья.

— Я ему тоже... приложил, — буркнул Нагнидуб, которому зуба до сих пор было жалко. А еще обидно от того, что Малига, уступавший Бочару ростом и силой, намного превосходил того ловкостью и умением. И побить его в шутейном поединке у здорового Нагнидуба не выходило никак. А если он

увлекался и забывал, что поединок шутейный, Малига его тут же наказывал. Вот, без зуба оставил.

— Мы — дозор, — наставительно произнес Илья. — Наше дело — выявить всё, что может помешать движению войска. И устранить, если сумеем. А если не сумеем, сообщить о том воеводе.

— И чем же может помешать движению войска шайка грабителей?

— У тебя, Нагнидуб, голова, чтоб думать или только вшей разводить? Знаешь, сколько одного только фуража коням надо?

— Нет у меня вшей! — обиделся Бочар. — Что я, копченный? Иль жрец нурманский? А про фураж войсковой мне знать ни к чему. Чай, свои кони голодными не останутся, а о других пусть другие думают.

— Думать, Бочар, это... — начал Илья, но оборвал фразу: — Голубь, стой.

Жеребец послушно остановился. Илья напряг слух...

Подъехал Малига. Тоже послушал. Теперь, когда копыта коней больше не хлюпали по грязи, звуки стали совсем отчетливыми. И понятными.

Илья глянул сверху на Малигу. В отличие от простодушного Нагнидуба, тот был умен. И опытен. Не простой гридень — сотник. Илья хотел оставить его наместником в Морове, но Малига отказался. Попросился на войну с хорватами.

— Зачем тебе? — удивился тогда Илья. — У меня отряд маленький, ты даже не десятником, простым воем будешь.

— Простым воем, зато под Ильей Моровским, — улыбнулся Малига. — Скучно мне, княжич, воевествовать. Неумехам всяким носы подтирать да подпруги подтягивать. Не жизнь это для меня — тоска. Не обижай, Илья Серегеич!

— А Моров на кого?

— А хоть Гордея у князь-воеводы попроси! — обрадовался Малига. — Ему в самый раз.

Илья подумал немного...

И согласился.

Гордея он знал. И знал, что наместник из Гордея выйдет толковый. Да и Малигу хотелось с собой взять — будет с кем посоветоваться.

Но для начала посоветовался с батей насчет Гордея. Князь-воевода выбор одобрил. И даже похвалил: мол, научился Илья в людях разбираться.

Илья признался: Гордея Малига предложил.

— И что с того? — пожал плечами князь-воевода. — Малига — твой человек. Раз приблизил его и слушаешь, значит, разбираешься.

На том и порешили.

И теперь Малига рядом с Ильей. В полусажени. Ближе некуда. Крестили Малигу Аристархом, но христианское имя как-то не прижилось. Может, и правильно. Не захотел Малига начальником стать¹.

Хотя простым воином он уж точно не был. Броня на нем — не у всякого сотника такая. Илья подарил. За дело. Да и прочая амуниция не хуже. Что в бою взял, что купил. Давно воюет Малига. Дольше, чем Илья на свете живет. С виду прост. Лицо круглое, нос картошкой, борода стриженная, вокруг глаз морщинки, будто улыбается часто. Только не от улыбки они, а от прищура. Для того, кто вдоволь пополевал в печенежских степях, такой взгляд — обычный.

— Что скажешь, сотник?

¹ Греческое имя «Аристарх» означает «наилучший повелитель».

— Телег десятка два. Быки тянут. Коней, думаю, столько же. Сказал бы точнее, да в этой грязюке не разберешь, а по звуку — где-то так. От нас — недалеко. Будь дорога прямой, уже могли бы стрелой достать.

— Бьём?

— Пожалуй. Ты живьем кого взять хочешь, княжич?

— Ясно, хочу. И не кого-то, а старшего.

— Тогда я бы посоветовал спешиться и бегом через лес.

— А потом бегом конных догонять, когда они телеги бросят и дадут драпака? — влез Нагнидуб.

— Кабы ноги у тебя были такие же быстрые, как язык, ты, Бочар, тарпана бы в степи догнал, — осадил его Малига. — Молчи и слушай. А если не понимаешь, тем более молчи.

— По лесу скрытно — трудно, — заметил Илья. — Деревья, кусты голые.

— Нам шибко бежать не придется — быки тянут медленно. Слева склон удобный. Кусты густые. Дорогу перекроем — верхами не уйдут, а пешими пусть попробуют. Вон Бочар у нас — бегун знатный.

Нагнидуб промолчал. Возражать Малиге — на обидное нарываться.

— Разумно, — согласился Илья. — Побежим мы с тобой, Малига, еще Нагнидуб, Гудмунд и Рулав. Остальные — верхами, по дороге. Викула, ты как?

— Могу, — отрок похлопал по кожаному налучу.

— Вот и хорошо. За конями присмотри.

Разочаровал. Но в бой без нужды Викуле лезть не стоит. Вид у него неважный.

Илья спрыгнул наземь. Снял с седла щит. А вот лук с колчаном оставил. Стрелы метать будет кому.

— Так и держитесь, как сейчас, — приказал конным. — Крикну — начинайте. А мы побежали!

И побежали. Склон не очень крутой. Дорога выше. Под ногами похрустывают промерзшие листья: почище, чем на тракте, и не так скользко. Хотя приходится петлять: в полной броне через кусты и поваленные стволы особо не попрыгаешь.

Бежать приятно. Ногам. А то всё верхом да верхом. Особенно если бежать не напрягаясь. Илья и не напрягался. Пустил вперед Гудмунда и Рулава, которым посоревноваться в удовольствие. Не просто бегут — теснят друг друга. Играют.

Малига рядом. Ему тоже легко.

Кому трудно, так это Нагнидубу. Бронька на нем двойная до колен, да кованые наплечники, да щит здоровенный, с круговой оковкой, да в верховых сапогах стальные вставки. От удара мечом спасают. Илья тоже такие хотел себе сделать, когда только-только снова ноги обрел. Богуслав отговорил. Пояснил: польза, только если ты — поединщик и противник о вставках не знает. А в бою только тяжесть лишняя. Проще ногу убрать. А всаднику такие штуки и вовсе ни к чему. Если собственную ногу защитить не можешь, как тогда коня защитишь? Но Нагнидуб железо любит. Ему лишний пуд — не помеха. Впрочем, в отряде Ильи слабаков нет. Так что Бочар со своим железом пыхтит да потеет. Но не отстает. И не отстанет — гонор не позволит. И Илья это знает.

Повозки они уже давно обогнали. Но не остановились. Во-первых, еще место надо выбрать подходящее, во-вторых, грабители могли дозор вперед отправить. Илья бы отправил. Волы-то пахотные, там же, в селе взятые. Еле тащатся.

Но сейчас самое время кого-то наверх послать. Кто тут у нас самый молодой, не считая пыхтящего Бочара и самого Ильи?

— Рулав! Сбегай, глянь, что на дороге.

Варяг тут же рванул наверх.

Хороший воин Рулав Самый-Младший-Барсучёнок. Настоящий природный варяг. Илье с ним хорошо. Как с братом. Младшим братом, которого у самого Ильи нет. И Рулаву с Ильей хорошо. Он привык быть младшим, шестой сын Стемида Барсука. Хотя давно уже опоясанный гридень и годами постарше Ильи. Но тоже не женат. И не торопится. У него другая мечта: собственная боевая ладья. И будет. Если не убьют. Однако, чтоб убить Рулава Барсучёнка, врагов вокруг должно быть много, а друзей — никого. А это у русов-дружинников — большая редкость.

Побежали дальше. Илья размышлял. На бегу хорошо думается. Не о предстоящей стычке: там все просто. О будущем. Например, о разговоре, который случился у Ильи с батей незадолго до похода.

Киев

— Князь Фарлаф тобой интересуется.

Илья настороженно поглядел на отца:

— Уж не из-за Мурома ли?

В Муроме Илья чуток порезвился. Убил наместника и казну его забрал. За дело, по справедливости. Наместник этот Илью подвел под родичей-разбойников, с которыми вместе скверные дела проворачивал. Илья до сей поры был уверен, что сделал все скрытно и подумать должны как раз на этих родственничков. Неужели Фарлаф что-то вызнал? Тогда почему батя так спокоен?

— Из-за Мурома, — кивнул князь-воевода. — Но наместник, которого ты прихлопнул, ни при чем. Фарлаф хочет тебя самого — в наместники. Гово-

рит, понравилось ему, как лихо ты с Соловьем разобрался. А то у него разбойники, вишь, совсем страх потеряли: наместника княжьего прямо в тереме зарезали, — князь-воевода дернул себя за усы, усмехнулся. — Считает, что ты порядок наведешь.

— А кто сейчас в Муроме распоряжается? — спросил Илья.

— Акун, сын Фарлафов. Младший, а ныне — единственный, кто в живых остался.

— А мне, значит, его сыну — в помощники? — скривился Илья. — Не пойду.

— Зачем в помощники? Я ж сказал: ты наместником будешь, Акун — под тобой.

— Вот как? Он что, малахольный, этот сын Фарлафов? Зачем ему подо мной ходить?

— Акун — воин справный. Я б его сотником в гридь без раздумий взял. Однако вопрос правильный. Сам как думаешь?

Илья пожал плечами. Ничего в голову не приходило, кроме того, что черниговскому князю и впрямь надо разобраться с разбойниками. Но будь это так, батя и спрашивать бы не стал.

— Ладно, — снизошел Сергей Иванович. — Поясню. В давние времена, когда воевода Хельгу, Олег по-нашему, взял под себя Киев для Рюрикова малолетнего сына Игоря, с князем Черниговским он бодаться не стал. Договорились тогда мирно, союзно. Враги-то были общие: печенеги, хузары да угры. В договоре Олега с ромеями Чернигов был вторым вписан, сразу после Киева. С Игорем, когда тот, после смерти Олега, наконец-то стал сам править, у Чернигова тоже бодалок не было. Человеком Игорь был неплохим, а вот князем неудачливым. Чернигов при нем изрядно усилился. Потом, когда правили Ольга со Свенельдом, Чернигов тоже стоял креп-

ко. Если не вровень с Киевом, то уж не в данниках точно. Положение изменилось, когда киевский стол занял Святослав. Но и тут наш старый Фарлаф сообразил что к чему и с самого начала повел себя правильно. Признал себя младшим, воев своих со Святославом посылал. Не за так, понятно. Долю неплохую в добыче общей имел. И справедливо. Много черниговских с земли болгарской дымом в небо ушли. Старший сын Фарлафа, лучший его воевода Шенкель, тоже там лег. Святослав этого не забыл, равно как и того, как Фарлаф Киев прикрывал в отсутствие великого князя. Потому дани с Чернигова не брал, удовлетворялся подарками и верностью. Верность эта Святославу была важнее. Велик был Святослав, — князь-воевода вздохнул. — Тесно ему было в Киеве. Он империей мыслил. И не зря. Хузария уже была под ним и обе Булгарии, Дунайская и Волжская. А это ведь только начало было...

Князь-воевода снова вздохнул. Илья знал: больно ему от того, что погиб Святослав в самом начале своей великой славы. Раны, полученные батей на острове Хортица, в последнем бою Святослава, зарубцевались. Все, кроме этой. Эта, в душе, не заживет никогда.

А князь-воевода между тем продолжил:

— Как не стало Святослава, у Киева с Черниговом сразу не заладилось. На стол киевский воссел Ярополк. Молодой, властный, нетерпимый. И первым делом начал давить Фарлафа. Мол, он великий князь, а все остальные — данники. К самому Фарлафу у него вражды не было, просто тот из сильных князей был самым близким. Фарлаф, может, и уступил бы, но уж больно дерзко с ним Ярополк говорить начал. Негоже так с тем, кто трех великих князей киевских пережил и полста лет твердой ру-

кой княжит. Ярополк же не только данью Фарлафа обязать хотел, еще и мытное право пожелал забрать. Свенельд, пока еще в доверии был, Святославовича как мог урезонивал. Но потом в глупой стычке погиб его младший брат Олег, и Ярополк тут же обвинил в смерти брата Свенельда и выставил воеводу из Киева. Нашему роду от этой опалы только прибыток вышел. По праву супружества стал твой брат Артём Уличским князем. А вот Ярополк решил, что отныне нет над ним никого, кроме Бога. Теперь он если и слушал кого, так только жену свою Наталию, которую Владимир после себе забрал. А Наталия — ромейка. У них, сам знаешь, все под Автократором ходят. Вот и Ярополк себя таким возомнил. Автократором. И Фарлафу прямо заявил: или кланяйся, или пеняй на себя.

Вроде правильно решил. Надо было ему тогда с Черниговом срочно определяться. Потому что свара его с Владимиром уже началась, так что иметь под боком врага было опасно, а дружбы у них с Фарлафом после всех обид точно не получилось бы. В общем, решение правильное, но... Если бы Ярополк действительно двинул дружину на Чернигов. А Ярополк, как обычно, ограничился словами, и в результате, когда Владимир подступил к Киеву, Фарлаф и не подумал его поддержать. Впрочем, будь Ярополк порешительней, он бы и без Чернигова с братом справился. Да и Владимир не стал бы против него идти. И тогда, как знать... — Князь-воевода задумался.

Илья его не торопил. Ему было очень интересно. Илья был мальцом, когда сошлись в битве брат с братом. Притом, насколько мог судить Илья, все преимущества были как раз у Ярополка. И сил побольше, и люди надежнее. Сойдись они в чистом

поле, скорее всего, побил бы Ярополк Владимира. А уж из-за киевских стен старшего брата достать не было у Владимира никакой надежды.

И тут вдруг Ярополк сам оставил Киев и постыдно бежал, бросив и стольный город, и верных ему людей на милость Владимира. И не союзников искать, а в малый град Родню. Там он и просидел без толку, пока полгорода с голоду не перемерли.

А как нечего жрать стало, прибежал к брату мириться... И был убит наемниками боярина Блуда. Владимир, надо отдать ему должное, Блуда изгнал... наместником в Новгород.

— Владимир Фарлафа поначалу прижимать не стал, — продолжал между тем батя.

Незачем. Всем и без того было понятно, за кем сила и удача. Киевский князь ромейскую кесаревну в жены взял, а у Фарлафа второй сын со всей семьей от болезни в один месяц умерли. Остался один Акун. И других не будет: стар Фарлаф, постарше меня. В общем, побежали от него люди. Вон даже воевода черниговский Претич к Владимиру перешел. Так что ни к чему Владимиру Фарлафово княжество силой забирать. Подождать немного — само в руки упадет. Хочешь что-то спросить?

— Хочу, — кивнул Илья. — Зачем я Фарлафу, мне уже понятно. Хочет свою удачу нашей подкормить. А нам-то зачем с неудачником дело иметь?

— Удачники, неудачники... Ты, сын, христианин, а говоришь, будто язычник.

Илья смутился, а князь-воевода продолжал:

— Муром — не такой уж маленький город. Побольше нашего Морова. И ты — не только мой сын, но и гридень великого князя. И останешься им, даже если принесешь клятву верности Фарлафу, а ты, замечу, ее приносить не станешь, потому

что я буду против. И Фарлаф это понимает. И что же получается? Киевский гридень становится наместником такого важного города в княжестве Черниговском?

Илья задумался ненадолго, потом сказал:

— Бать, а если наоборот всё? Если Фарлаф как раз и не забыл о том, что я — киевский гридень?

— Умно! — похвалил князь-воевода. — Вот это уже я упустил. Если так, то выходит, что, приглашая тебя, он Муром Киеву под покровительство отдает? Занятно. Что ж, скоро мы узнаем, кто прав.

— Спросишь Фарлафа?

— Нет. Хотел бы он правду сказать, сказал бы сразу. Можно, конечно, Претича порасспросить. У него в Чернигове полно родни осталось. И все не на последних местах. Да скоро все само выяснится.

— И как же?

— А вот потребует с тебя Фарлаф клятву верности, тогда я прав. А не потребует...

— Тогда — я?

— Нет. Тогда придется еще немного подождать, поглядеть, какой Фарлаф следующий шаг сделает. Ну что, заинтересовался? Пойдешь наместником в Муром?

— Сначала в поход, — уклонился от немедленного ответа Илья. — Мало ли как там сложится...

— Согласен, — одобрил князь-воевода. — Вдруг ты там такой подвиг совершишь, что тебя великий князь собственным княжеством пожалует.

Оба засмеялись. Илья искренне, а вот Сергей Иванович — не совсем. Он помнил, что Илья не только гридень Владимира, но и рыцарь Болеслава Храброго. И наверняка неспроста Болеслав Илью рыцарскими шпорами наделил. Есть у него на пар-

ня свои планы. Но грузить такими допущениями Илью Сергей Иванович не стал. Парню и без того есть над чем поразмыслить.

— Ты, главное, доблесть бездумную не выказывай, — попросил он сына. — А то знаю я тебя! Чуть что — и один на сотню галопом.

Илья хмыкнул. Такая репутация льстила его самолюбию.

— Бать, ну что ты говоришь?! Разве бывает доблесть бездумной? — запротестовал он.

— Еще как бывает! — заявил Духарев. — Что, по-твоему, есть доблесть воина?

— Да это и есть! — воодушевился Илья. — Чтоб на врагов без страха, невзирая ни на что!

— Это, сын, доблесть ульфхеднара, грибов нажравшегося. Доблесть воина не в том, чтобы погибнуть в бою, а в том, чтобы жить, сражаться и защищать своих. И тут уж — себя не шадя.

— Мертвые сраму не имут, да? — вновь оживился Илья.

— Да. Но только когда другого выхода остановить врага нет. Потому что ты-то умрешь, а те, кого ты защитить должен? С ними как? Ты — мертв, а они в руках у ворога. Вот это и есть срам.

Илья попытался осмыслить сказанное, потом спросил:

— Что же, всех подряд защищать?

— Зачем всех? Я же сказал: своих.

— А кто тогда — свои?

— А на это, сын, ты мне ответь! — потребовал Духарев.

Илья задумался.

— Род наш?

— А еще?

— Други мои. Еще те, кто в землях наших живет.

— А если шире?

— Варяги? Братья-христиане?

— Не то чтобы все, но, в общем, верно. А еще шире?

На этот раз Илья задумался надолго, потом осторожно предположил:

— Русь?

— Вот теперь верно! — похвалил Сергей Иванович. — Вот теперь ты правильно мыслишь. Широко.

— Но она ж огромная, Русь! Как же я — один?

— А ты не один, — сказал Духарев. — Мы же с тобой. Все. От юного отрока до самогo великого князя. А еще запомни: доблесть, она с воином не только ввиду ворога. Она — всегда. Уяснил?

— Не вполне, — честно признался Илья. — Но я додумаю. Скажи, а есть способ узнать, кто свой, а кто нет, чтоб наверняка?

— Есть, — кивнул Сергей Иванович. — Как не убережешь, так и узнаешь.

Западная Русь

На дороге — никого. Хоть что-то хорошее в осенней распутице. Никто тебя не выдаст, кроме ворон.

И слышно далеко.

— Едут, — озвучил общую мысль Праздничные Ворота.

Нет, дозора они не выслали. Не ждали, что их нагонят и обойдут.

Впереди полдесятка всадников. Возы дальше. Ну да, у распутицы есть еще один плюс: пыли нет. Но лучшие, по привычке, впереди. Где почище.

Все — воины, судя по мечам. И все — голенькие. Без брони, даже без шлемов. Как на свадьбу едут.

Илья хмыкнул. Вспомнил, что его как раз со свадьбы и умыкнули. Повеселился денька три от души... А очнулся в цепях, на пути в замок своего кровника, который только и мечтал с Ильи шкуру спустить. Причем медленно.

Грабители увидели короткую стеночку, перегоревшую дорогу, остановились.

Оценивали противника, озирались, прикидывая, где остальные?

— Эй вы! — рыкнул Илья. — С коней слезли, зброю на телегу, чтоб не марать! Тогда поживете!

— Счас! Разохотился! — крикнул в ответ бородастый воин на забрызганной грязью каурой лошадке. — Может, тебе и стол накрыть?

— Лишнее! — отозвался Илья. — Мы людей не едим!

— Но поджарить можем! — подключился Гудмунд.

— Вы сами — кто?

Выговор Гудмунда его смутил. Он у нурмана на словенском такой же, как у германцев. И тех, и других здесь побаивались.

— Там двое брони вынули и еще двое на возах с луками, — негромко произнес Малига. — Похоже, драться будут.

— Ну и славно, — решил Илья. — Гудмунд, Бочар, Рулав, когда скажу «смерть» — мечите копыя в тех, кто подальше, и сразу бегом. — И, громко: — Кто мы? Смерть мы ваша!

Три копыя ушли разом. У каждого — своя цель. Была.

Пятеро русов сорвались с места раньше, чем их копыя ударили в живые мишени.

Удар копыта в щит, промельк клинка над головой, рухнувший под ноги всадник. Наступить сапогом (опора не хуже скользкой грязи), щит вправо, отбивая мах чекана, краем — в усатое лицо свесившегося врага, увернуться от лошадиных зубов, уколоть вверх, под мышку, замахнувшегося на Малигу всадника... Всё. Строй распался, они у телег. Илья вспрыгнул наверх, на грудь наваленных мешков, и еще раз, на самый верх, оттуда — прыжок на две сажени, на спину понурого вола, толчок — и щитом вперед, на изготовившегося лучника.

Стрела ударяет в щит, прошивая насквозь кожу и доски. Граненый наконечник выскакивает в пяди от лица — и многопудовый, умноженный на скорость прыжка и вес самого Ильи удар щита сшибает лучника с телеги. Пролетев полдюжины шагов, тот плюхается в грязь и остается лежать, а Илья бежит по узкому борту воза дальше. Взмах клинка... остановленный в последний миг. Это не враг — скорчившийся, зарывшийся в солому смерд.

— Пер-рун! — взмывает над дорогой рев Нагнибуда.

Оглушительное карканье ворон, злобный визг жеребца...

Илья бросает щит за спину, смахивает кровь с меча, обтирает его о спину трясущегося смерда и возвращает в ножны.

Кончено. Гудмунд путает кому-то вывернутые руки, Миловид, верхами, держит поводья четверых коней, три из которых — трофейные. Загрёба, гридень из батиных, на четверть хузарин, на четверть полянин, наполовину — всякая всячина, привстав на стремянах, смотрит окрест: лук поднят, стрела наложена...

Но и только.

Стрелять не в кого. Девятерых взяли живьем, связали. Шестеро убитых, еще шестеро сами помрут. Не сбежал никто. Одиннадцать возов, наполненных доверху. Столько же смердов-возчиков трясутся от страха. Три девки, взятые для развлечения, пищат от ужаса. Они видели русов в бою, а это впечатляет.

Среди людей Ильи потерь нет. Если не считать сомлевшего от слабости Викулы. Его уложили на телегу поверх мешков с ячменем, накрыли плащом.

Возы пойдут не спеша. С ними — Малига, Загрёба и Гудмунд. Последний сам напросился. Илья догадывался, почему. Девки. При Илье нурман ваять их не решался. Знал: княжич не одобряет. Ну и ладно. Девки чужие, а Гудмунд — свой. Да и не убудет от них. Пусть порадуется.

Пленников собрали в цепочку по-степному: петли на шеях, руки туго связаны в локтях. И бегом в обратную сторону.

Илья по-быстрому допросил парочку грабителей. Те сказались людьми хорватского князя Собеслава. Услышав, что на него идет Владимир, хорватский князь тут же поторопился отправить несколько десятков таких малых отрядов почистить амбары и овины своих подданных. Поторопился, но всё же немного опоздал. То ли слишком быстро продвигался великий князь русов, то ли весть о нем поздно дошла до Собеслава.

Когда Илья соединится с войском и передаст воеводе пленников, тот медлить не станет: тоже пустит вперед малые отряды — перехватить как можно больше таких вот обозов. Удобно. Избавит русов от необходимости тратить время и обдирать смердов самим.

Опять-таки — будущие данники. Пусть таят обиду на прошлого князя, а не на нового.

* * *

Илья поравнялся с лекарской телегой. Улыбнулся Лагодке, а та — в ответ. Хорошо. Нравится она Илье. Он поначалу к ней особо присматривался: вдруг — суженая? Понял: нет, не она. Мужское в нем не играет, а вот в груди при виде лекарки тепло делается. Есть в ней родное что-то.

Воинство русов растянулось на полпоприща, не меньше. Ежели ворог на задних нападет, до головных весть дойдет далеко не сразу. Потому и курсируют непрерывно вдоль колонны дозоры и разъезды. Войско на марше чем больше, тем уязвимей.

— А правду говорят, Илья Серегеич, что матушка твоя однажды мертвого ромея оживила?

Это уже не Лагодка, а Чаруша.

Красивая девка. И нрава вольного. С первого взгляда видно: совсем не прочь с Ильей на попонке поваляться, в купальные игры поиграть.

— Кто ж такое говорит, Чаруша? — усмехнулся Илья.

— Люди, кто ж еще. Будто батюшка твой ромея сначала прибил, а потом матушка оживила и дружить с князем киевским зачаровала? Правда иль нет?

— Ну раз люди говорят... — Илья ухмыльнулся еще шире.

— Илья Серегеич...

— Говори, Лагодка, не бойся. — Он взял девушку за руку. Маленькая ладошка в его лапище как теплый трепещущий птенчик. — Спрашивай, что хочешь.

— А можно я спрошу? — ревниво вмешалась Чаруша.

Илья глянул строго. Умолкла.

— Илья Серегеич, а в битве страшно?

— Страшно, Лагодка. И весело. От страха, знаешь, еще веселее бывает. Как мальцом с обрыва в речку.

— А если убьют? — опять влезла Чаруша.

Илья глянул на нее еще раз, оценивающе: может, всё же взять ее разок? Девка справная: груди тугие, губки алые, задок округлый. Увести в лесок, задрать подол и пахтать, пока не охрипнет...

Видать, что-то такое у него и в глазах мелькнуло, потому что Чаруша облизнула губы, взгляд — с поволокой:

— А я б не испугалась...

Это она уже не про битву, понятно. Хочется ей. Вон как ноздри раздувает. Будто кобыла, готовая в галоп сорваться.

— А мне страшно, — вздохнула Лагодка. — Вот вы сейчас такие храбрые, веселые, а потом...

Окинула взглядом пустые пока что телеги и снова посмотрела на Илью.

Он видел то же, что и Лагодка: десятки раненых, беспомощных, искалеченных, страдающих. Илья и сам хорошо знал, каково это. Только что ты был силен и непобедим, а потом входит в тебя обжигающая холодом сталь, и вместо могучего воина — истерзанный болью человеческий обрубок. И Лагодка никогда не поймет, что от этого страшного знания, от понимания того, что между силой и беспомощностью, между жизнью и гибелью — лишь посвист стрелы или промельк клинка, от понимания этого — еще острее, еще шибче кипит в тебе обычная жизнь. А битва... В битве об этом не думаешь. В битве ты чувствуешь над собой руку Бога. Ты сам почти бог, а смерть не против тебя, а над тобой летит. И враг, видя ее, визжит, бежит и гибнет, потому что с тобой не только сила, но и Правда.

— Ты не бойся, Лагодка, — проговорил Илья ласково. — Мы вас в обиду не дадим.

— Спаси Бог, — еле слышно прошептала девушка. — Я ведь в первый раз на войну-то.

— Я тоже, — Илье захотелось ее обнять, погладить по голове, — в первый раз.

И сам смутился. Ведь правду сказал. Бился-то много. В степи, в лесах, на палубах. Но не с тысячным войском. Не так, как батюшка о своих походах с великим князем Святославом рассказывал. Или братья о том, как с нынешним князем Владимиром бились за Ярополка.

— Ты?! — изумилась Лагодка. — Ты же — гридень! Ты страшного Соловья поймал! Говорят, в одиночку целое войско хорватское разгромил! Обманываешь меня, да? — И засмеялась звонко, как жаворонок.

— Это не война была, — Илья выпустил ее руку, выпрямился в седле, улыбнулся еще шире. — Так, стычки.

И ускакал вперед. Будто почувствовал, что нужен сейчас воеводе.

И действительно оказался нужен.

— На полпоприща впереди развилка будет, — сказал Варяжко.

— Так и есть, — подтвердил Илья. — Дорога на Гнезно. Ну и к чехам. Их земли — по ту сторону реки. Это главная дорога. Но нам — не туда. Собеслава там нет.

— Знаю, — кивнул Варяжко.

Это Илья допрашивал пленников наспех, а великий князь расспросил всерьёз. И Варяжко при этом, понятно, присутствовал. Как и другие воеводы, Сигурд и Претич.

— Собеслава там нет, но всё равно хочу, чтоб ты, княжич, со своими пробежался по этому тракту на пару поприщ. На всякий случай.

— Сбегаем, — кивнул Илья. — Сейчас?

— Попозже. Поешьте горячего перед дорогой. Может, тебе еще людей дать?

— Ни к чему, — отказался Илья. Если там такое войско окажется, что нам не под силу, я уж как-нибудь дам знать, не сомневайся!

— Вот и хорошо, — одобрил Варяжко. — Правильно мыслишь, Серегеич. И действуй так же, ясно? В драку не лезь! — Голос воеводы построжел. — Меня твой отец особо просил пыл твой воинский в узде держать.

— Да ладно! — махнул рукой Илья. — Куда этим цаплям против степных соколов!

— Ну смотри, — проворчал воевода.

Может, вспомнил Варяжко, как взял его, убежавшего от Владимира к печенегам, брат Ильи Артём. Как сокол цаплю взял. Вместе с малой ордой копченых. Илья — той же породы. Такого сдерживать — только портить. А уж удачи княжичу на десятерых хватит.

Так подумал воевода, белозерский княжич Вольг Варяжко, глядя вслед Илье, еще не зная, что через пару дней этот удачник вляпается по самые плечи.

ГЛАВА 2

Западная Русь. Конные воины

К задаче, поставленной воеводой, Илья отнесся вдумчиво. Скакать галопом навстречу неизвестности не стал. Оставив коней при обозе, двинули через лес на своих двоих, не спеша, время от времени засылая вперед разведчика, а в особо важных местах даже двух.

Мост через тронутую у берегов первым ледком реку показался Илье местом важным.

Разведка, однако, вернулась ни с чем, и посему было решено устроить привал — пообедать.

Правила поведения на чужой земле крепко вбил еще старый Рёрах, а потому Илья вел себя, будто враг где-то рядом. Лагерем встали в низинке, костер развели так, чтобы дым рассеивался, а не поднимался столбом; на макушку самого высокого дерева отправили дозорным Миловида.

И только-только поспела каша, как дозорный скатился с дерева.

— Княжич! Там — дымы!

Сами по себе дымы ничего не значили. Может, это караван купеческий на обед встал. Хотя, учитывая время года и состояние дороги, вряд ли это обычные купцы.

— Шесть больших костров!

Илья прикинул: если это воинский отряд, то численность у него солидная. Шесть костров, шесть котлов — это от пятидесяти до ста человек, а то и больше, ведь на одном костре можно и два котла установить, и каждый на большой десяток.

Надо бы глянуть. Очень хотелось самому и не медленно. Да неправильно это.

— Викула! Теперь ты на дерево лезь. Миловид, Рулав, сбегайте, поглядите, что там. Но сначала поешьте.

Сбегали поглядели.

— Полторы сотни конных оружных, — сообщил Миловид. — По виду — не ополченцы, дружинники. Стоят, спешившись, за взгорком, отсюда не видать.

— Кто?

— Видел знамя с башнями, — сообщил Рулав. — Похоже, германцы.

— Чего тут надо германцам? — удивился Гудмунд. — Ничего не перепутал, варяг?

— Пойди сам да глянь! — обиделся Рулав.

— И пойду!

— Довольно! — прекратил спор Илья. — Кто куда идет, я решаю. И посмотрю тоже сам. Рулав, ты со мной. А вы ждите.

— Больше сотни конных. Чего ждатель-то, княжич? — проворчал Загрёба.

— Нас, — отрезал Илья.

— Ну, что скажешь? — спустя некоторое время поинтересовался Илья.

Они с Рулавом уютно расположились на пригорке, с которого открывался замечательный вид на неприятеля.

Неприятель обедал. И тоже наскоро, потому что лошадей не расседывали. Сотни три воев.

А знамен неприятельских виднелось два. Одно с башнями и чем-то вроде петли посередке. Другое с непонятной птичкой на цветном фоне.

— Вон те — германцы, — показал Рулав. — Точно они. Я таких воев в Киеве видел.

Илья был склонен согласиться. Да, похожи. Допеши точно германской работы. Хотя в таких чехи, бывает, ратятся. Но вряд ли это чехи. Их великий князь Владимиру обещал не вмешиваться. И не станет. Да и основная часть обедающего воинства — другой породы. На таком расстоянии лиц толком не разглядеть, а голосов и вовсе не слышно, но по повадке, по общему поведению... Очень похоже, что лехиты.

Кто-то из воевод великого князя Мешко пожаловал? Брат Богуслав, глянув на знамена, наверняка смог бы определить, чьи они. Но Илья разбираться в гербах пока еще не научился. Хотя в данном случае это не так уж важно. Куда эти «башни» и «птичка» нацелились, он догадывался. И ему эта догадка не нравилась.

Учитывая, что они не сторожась разводят костры и не высылают дозоров, видимо, знают, что встреча с Владимиром на этой дороге им не грозит.

И нетрудно сообразить, что соединиться с хорватским князем они тоже не собираются.

— Что скажешь, Рулав?

— Добрые вои. И торопятся. Коней из торб кормят. Только непонятно, куда идут. Если хорватам в помощь, то им в другую сторону надо. На этой дороге ни хорватов, ни наших не встретят. Может, решили дожидаться, когда Владимирова гридь пройдет, чтоб какой-нибудь из городков пограбить?

— Мысль возможная, — кивнул Илья. — Только неправильная. Городки от них никуда не денутся,

так что спешить им ни к чему. Наоборот, чем дальше уйдет Владимирово войско, тем лучше. А они торопятся. Что это значит?

Рулав пожал плечами.

— А то, что они пообедают по-быстрому, перейдут по мосту через реку, потом по тракту до развилки и очень скоро окажутся у наших в тылу.

Сейчас Илья очень жалел, что отправился в разведку пешком. Поначалу это казалось недурной мыслью. Тракт местами превратился в настоящее болото. Лесом — проще. Да и разведку вести на своих двоих удобней, и ноги размять приятно.

Но как раз вчера подморозило, дорога за ночь стала заметно надежней. Кто знал, что они наткнутся на такое вот конное войско?

Пешему конного опередить можно. Если бежать налегке, день и ночь без остановки. Илья бы, наверное, смог и с оружием. Пока вороги пообедают, пока соберутся. Если бежать прямо сейчас, он всё же поспеет немного раньше. Зависит от того, будут ли лехиты спешить. И насколько крепко ночной морозец прихватил грязь...

Опередить можно. Но совсем на чуть-чуть, а это мало что даст.

— Думаешь, рискнут напасть? — Рулав разглядывал лехитов, копошащихся у костров. — На полторы тысячи — полутора сотнями? Да не верю!

«Я бы тоже с удовольствием не поверил. Не получается», — мрачно подумал Илья, а вслух сказал:

— Ты, друже, что себе представил? — насмешливо спросил Илья. — Думаешь, они в рога затрубят и на лучшую дружину набросятся? Как бы не так! Подберутся сзади, налетят на обоз, порубят, кого смогут, похватают, что успеют, — и назад по этой же дороге.

Илья знал, как это будет. Стрелы, разящие обозников и немногих воинов, едва успевших схватиться за оружие. Скачущие по обочинам враги, рубящие всех, кто не сообразил нырнуть под телеги. Ржание, крики, яростные и испуганные. Впереди продолжают убивать, а сзади уже выпрягают лошадей, потрошат груз, вьючат самое ценное. Кто-то, не поленившись, заглядывает под телеги, тычет копьем... Впереди уже пылает огромный костер из опрокинутых возов. В него летят припасы, вещи, кто-то толкает в пламя пленника... Так весело слушать, как он кричит. А по ту сторону огня эти крики слушает гридь, но пройти сквозь огонь невозможно. А обойти — никак, потому что нападающие — вои опытные и место для нападения выберут правильно.

Как там отец сказал? Доблесть воина — защитить своих.

— Ничего не бойся, Лагодка, — бормочет Илья. — Никто тебя не обидит, я не позволю...

— Что сказал, княжич? — насторожился Рулав.

Илья мотнул головой, отгоняя видение.

— Я сказал: беда будет. Наши-то дозоры вперед, а не назад глядят. Если застанут врасплох, да еще в нужном месте, сдержать их будет некому. В обозе смерды да женщины. Воев — большой десяток от силы. Да, воины хорошие, Сигурдовы нурманы. От разбойников случайных отбиться с лихвой хватит. Но тут, сам видишь, не разбойники, бронные воины, всадники, и не десяток, а полторы сотни. Они охрану тамошнюю снесут влёт. Тем более что нурманы строем хороши, а порознь, между телегами... В общем, сами не отобьются, если смогут удержать,

то совсем ненадолго. А пока до головных вестей придет, что обоз атакован, пока погоню снарядят, эти уже всех перебьют, лошадей заберут, нагрузят и полпоприща проскачут. И гнаться за ними, тем более в темноте, уже без толку.

Рулав покивал, соглашаясь. Мог бы и сам сообразить. Но — не сообразил. Вот поэтому Илья и старший. Потому что не просто соображает, а соображает правильно. И вовремя.

— И это не всё, — продолжал Илья. — Дальше — еще хуже. Они ведь не просто добычу возьмут, они войско наше запасов лишат и задержат надолго, потому что теперь придется и пищу, и фураж по пути добывать. А если еще ватажки вроде той, что мы недавно прихватили, впереди нашего войска пройдутся и запасы приберут, то как бы не пришлось Владимиру и вовсе назад поворачивать. Ни люди, ни кони без еды воевать не могут. Вот и выйдет, Рулав, что эти полторы сотни все киевское войско одолеют. А у хорватов времени в досталь будет, чтоб к битве подготовиться. И союзники у них сразу отыщутся. Сам знаешь: удачливых любят. А те, кто раньше боялся против нас встать, враз расхраблятся.

— Погано получилось бы, — согласился Рулав. — Но теперь-то по другому выйдет. Мы ж наших предупредим!

— Не знаю, выйдет ли... — Илья как раз об этом сейчас и думал. И были у него большие сомнения насчет «успеем».

— опередить мы их опередим, но ненамного. Понятно, так лучше, чем внезапный налет. Возможно даже, что им придется и нападать сходу...

Илья размышлял вслух, пытаясь прикинуть, что будет, если они сейчас развернутся и со всех ног побегут обратно. Как учил батя, ставил себя на место

противника. Прикидывал, как бы он сам поступил на его месте... И выходило так, что предупредить своих они успеют, а вот уберечь обоз от полутора сотен конных воев — уже нет.

Будь Илья на месте вражеского командира, он бы точно знал, что делать. Сначала закидать стрелами обозников и пеших нурманов, потом, если не удастся разбить нурманский строй, обойти его с флангов, по обочинам, прорваться вперед, первым делом перегородить дорогу. Это ж нетрудно: несколько телег опрокинуть и еще подпалить для надежности, чтоб ни через верх, ни по обочинам. Потом оставить небольшой заслон, добить защитников обоза, коих вряд ли останется больше нескольких десятков... Да хоть бы и больше: полторы сотни бронных — это сила. И помощи от основного войска ждать долго придется. Чай, не Дикое Поле, чтоб скакать куда хочешь.

Последние фразы он произнес вслух, и Рулав тут же возразил:

— Что с того, что не Поле. Обойти и лесом можно! Хотя бы и пешими. Долгое ли дело! Обоз же не отдельно идет — сразу за войском. Да хоть пара сотен гридней поспеет — эти враз деру дадут!

Ага! А то сам бы Илья о таком не подумал!

— За войском, говоришь, обоз идет? Да как бы не так! Не за войском он идет, а за табунами заводных!

Тут уж Рулаву возразить было нечего. Пройти через всполошенный табун даже и в степи непросто, а тут дорога узкая и заросли кругом. А если лошадок огнем пугнуть, что тогда начнется?

Так ведь и это еще не все.

Сам Илья, понятно, большие рати никогда не водил, но учили его и этому. Так что он примерно представлял, сколько времени потребуется, чтобы

собрать две сотни дружинников, спешить да в бой послать. Да не в поле, а на тракте, где вои обычно попарно едут, редко где — по трое. И от пары до пары — саженой, считай, по пять, потому что это хвост войсковой, а он всегда растягивается.

Это десятку для маневра много времени не требуется. Коня развернул и поскакал. А большое войско, пусть даже из дружинников, а не каких-нибудь ополченцев — совсем другое дело. Пока до сотников дойдет, что дело серьезное, пока дружинники брони взденут... Они ж в таком спокойном походе не на плечах доспехи носят, а при седле. Пока через табун пройдут, пока поймут, что дорога перекрыта и надо пеше обходить... За это время не только обоз побьют, уже и стемнеть успеет.

Илья не один раз на дню от хвоста обоза к голове ездил и наоборот. Знал, сколько времени на это уходит. А ведь тогда ни нападения, ни паники не было, обочины были свободны, и стрелы в них никто не метал.

В общем, предупредить надо, но этого недостаточно.

И объяснить Рулаву, что к чему, было нетрудно. Куда легче, чем найти выход. И вот здесь наклюнулась у Ильи одна мысль. Не так чтобы радующая. Потому что умирать Илье очень не хотелось, а шанс остаться в живых был мельче, чем глаз у суслика. Вот только других идей в голову не приходило. Доблесть воина — защитить своих. А там — как получится.

— Ты что-то задумал, — догадался Рулав, которому очень не понравилось помрачневшее лицо Ильи.

— С чего так решил?

— Понятно же. Раз не мчишь со всех ног наших упреждать, а со мной лясы точишь. Так?

— Так! — подтвердил Илья. — Но сначала хочу убедиться, что не ошибся. Что лехиты эти с германцами и впрямь нападение задумали.

— И как ты узнаешь? Подойдешь вон к тому, в золоченой броне, и спросишь? — с иронией поинтересовался Рулав.

Илья похлопал молодого варяга по спине:

— Опять угадал, Стемидыч, подойдем и спросим. Только не у него, а у кого помельче.

— У кого же? Неужто знакомого углядел?

— Знакомых пока не вижу, — Илья покачал головой. — Но ничего. Познакомимся.

Он принял решение. И теперь можно было особо не спешить. Но и время терять тоже нельзя.

— Познакомимся? С кем же?

— А кто подвернется, с тем и познакомимся, — весело подмигнул Илья.

Подвернулся «природный шляхтич».

Так он сам сказал, когда очнулся. А много чего пустого наговорил, пока Илья воспользовался шейным платком. Удобная вещь. Не дает краем брони натирать шею, и можно, при случае, в болтливую пасть запихнуть.

— Я добрый, — сказал Илья лехиту. — Даже подождал, когда ты задницу подотрешь. Кстати, о задницах. Обрати внимание на колышек, который сейчас выстругивает мой друг. Как думаешь, для чего он?

Пленник выпучил глаза и замычал.

— Хочешь что-то сказать? — Илья выдернул платок.

— Меня будут искать! Я — троюродный брат повятова воеводы боярина Одлилена!

— Вот как? Так это его знамя с башнями?

— То знамя королевы Оды! — надменно процедил лехит. — Ты совсем дурак, если не знаешь таких простых вещей!

— А почему знамя королевы таскают с собой такие засранцы, как ты? — поинтересовался Илья. — Вы его украли?

— Ты туп, как вол! — возмутился шляхтич. — Одлилен — человек госпожи Оды! Вот почему он носит ее знамя вместе со своим!

— Очень интересно, — Илья одобрительно кивнул. — Значит, госпожа Ода решила поддержать хорватов. И выслала им в помощь аж полторы сотни засранцев. Или где-то прячется еще пара тысяч?

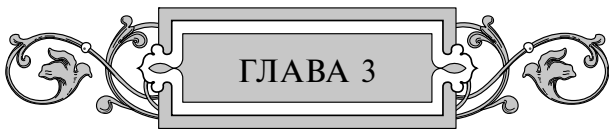
Лехит промолчал. Он уже сообразил, что сболтнул лишнее.

— А знает ли муж твоей госпожи, великий князь Мешко, что его жена вознамерилась побороться с великим князем Владимиром?

Молчание.

— Ну, твое дело, — запихнув платок в рот шляхтичу, Илья обернулся к Рулаву. — Давай-ка сюда свой колышек.

— Вообще-то можно и без колышка, — заметил Рулав. — Река рядом. Поймаем ерша...

ГЛАВА 3

Западная Русь. Мост

Предположение Ильи оказалось верным. Лехиты нацелились на обоз. Рулав тоже не ошибся. Были с лехитами и германцы. Предводительствовал ими саксонский рыцарь Вихман из Остервальде, вассал маркграфа Лотаря, присланный господином поддержать родственницу. Ну и разбогатеть немного.

Обоз, значит...

Илье вновь вспомнилась Лагодка. Что будет, когда большая сотня лехитов налетит на обоз? Сначала убивают воинов, потом больных и раненых, старых и слабых, ненужных. Лагодку, может, и не убьют: молодая, красивая. Возьмут с собой на потеху. Илья представил, как такой вот «природный шляхтич» лупит ее по голове, кидает поперек седла...

Ну уж нет!

— Мы их остановим! — заявил Илья.

Рулав глянул на него с удивлением. Ну да. Только что говорил, что им обоз не защитить даже при поддержке десятка ратников-нурманов, а тут...

— Вдвядтером против полутора сотен? Перуну такое любо! В Ирии нас примут!

Илья глянул на Рулава неодобрительно.

— В раю, — поправил он строго. — Но ты меня не услышал. Я сказал: не погибнуть с честью, а оста-

новить врагов. И не девять нас будет, а восемь. Миловида я к нашим отправлю. Он — легконогий, выносливый. А мы пока лехитов придержим.

— Не расскажешь, как? — с сомнением поинтересовался Рулав.

— Обязательно расскажу. Попозже. Ты — бегом на ту сторону. Объяснишь, что к чему, и велишь от меня Миловиду доспехи оставить и волчьим скачком — к нашим. А я тут наслежу немного.

Илья продел веревку меж связанных рук стонущего лехита и припустил с холма. След за ними получался что надо. Кровь, клочья одежды...

— Ну и здоров ты, Илья Серегеич! — бросил им вслед Рулав. — Не хуже коня тянешь..

Лехит затих. Сомлел или помер... Не важно.

Илья спешил к мосту. Он действительно знал, как придержать врагов.

Возражать против решения Ильи никто не стал, хотя все понимали, что дожить до завтра теперь удастся немногим. Если вообще хоть кто-то доживет.

Но все согласились, а Малига покрутил головой и пробормотал без особой уверенности:

— С Божьей помощью и твоей удачей, княжич, может, мы и доживем до заката.

— Если меня убьют, о сестрах моих позаботьтесь, — попросил Загрёба.

Сестер у гридня было четверо. И все — молоденькие, незамужние. А вот из трех братьев только он и остался.

— Сам позаботишься, — проворчал Илья. — Не каркай! Облачаемся. Викула, щит мой возьми, он твоего полегче.

Река в этом месте — саженой сто двадцать. Чуть больше обычного перестрела. Дно топкое, у берега заросшее рогазом, а на стрежне довольно глубоко и течение порядочное.

Наверняка выше или ниже имелись броды, но Илья надеялся, что лехиты искать их не станут. Глянут, что русов всего ничего, и полезут на мост нахрапом.

Хороший мост, крепкий. Ширины как раз хватает, чтобы телега проехала. Или четверо воев в ряд встали. Жаль, рядов у них маловато, всего два. В первом — Гудмунд, Возгарь Совиное Око, Бочар Нагидуб и Викула. Гудмунд и Бочар — посередке, потому что крайним здесь угроза меньше.

Ограждение у моста надежное: широкие перила из ошкуренных бревнышек уложены на частые столбики. Захочет испуганная лошадь в реку прыгнуть — не получится.

Под прикрытием коротенькой стенки из щитов Загрёба, Малига, Рулав и сам Илья. Лучшие стрелки. Именно от них зависит, удержится ли передовая четверка. Ни больших щитов, ни копий длинных против всадников у русов нет, так что, ежели кинутся лехиты галопом на мост, их следует остановить сразу и жестко.

Времени, чтобы занять свои места, достаточно. Пообедали вороги быстро, но потом хватились скраденного Ильей и Рулавом соратника. Искали его в стороне от реки, потому что именно туда «природный шляхтич» и отправился облегчиться. Не нашли.

Посоветовавшись, решили время больше не терять. Построились, двинулись к реке... И опаньки! Вот он, следок «потеряшки». Да такой, что проглядеть было невозможно. Так что на берег вои королевы Оды выскочили уже на рысях...

И сразу же очень рассердились, потому что обна- ружили своего приятеля не просто мертвым, а по- вешенным на перилах моста голым, да еще головой вниз. Будто не шляхтич это, а какой-то поганый разбойник-смерд.

Возможно, перед лицом серьезного войска лехи- ты сумели бы обуздать свой справедливый гнев, но кучка воев на противоположной стороне выглядела неубедительно.

Передовые лехиты не колебались ни секунды. Взмах руки одного из командиров — и два больших десятка всадников, по двое, стремя в стремя, раз- брызгивая грязь и песок, скатились к реке, умело, почти не потеряв скорости, перестроились и, грохо- ча копытами, выскочили на мост. Люди — в бронях, лошади — в защите, копыта опущены. Устрашающее зрелище.

— Не торопимся, не торопимся... — пробормотал Загрёба.

Илья покосился на него. Неуютно гридню. Атака тяжелой конницы — это страшно. Даже длинными копьями и глубоким строем не всегда удается оста- новить. А тут жалкая стеночка из четырех бойцов с мечами.

На то и был расчет. Что лехиты ударят с ходу, без подготовки, без прикрытия стрелков.

Да, атака конницы — это страшно, но Илья точ- но знал: до хлипкого строя ни один из них не до- скачет.

Четверо русов открыли стрельбу, не сговариваясь. Каждый знал, когда надо начать, чтоб успеть выпу- стить по три стрелы и остановить врагов в нуж- ном месте — за десяток шагов. Дальше — ни к чему, ближе — можно пострадать от бьющихся в агонии лошадей.

Первую стрелу Илья послал в защищенный железом лоб вороного, летевшего в первой паре справа. С пятидесяти шагов. Бронебойный наконечник прошил и железо, и кость. Смертельный выстрел, но конь осекся не сразу, так что Илья успел вогнать вторую стрелу в руку падающего всадника. Стрела прошла навывлет и ударила в шею коня, скакавшего во втором ряду. Третью стрелу Илья вlepил в разъявленный рот второго лехита. Конь под ним уже начал падать, всадник успел понять, что сейчас вылетит из седла, но это было последнее, что он успел.

Грозный таранный удар тяжелой конницы закончился ничем. Несколько мгновений — и грозные всадники превратились в бьющееся месиво из людей и лошадей.

Уцелевшие поспешно отступили. И только тогда, запоздало, вразнобой и навесом на русов посыпались стрелы. Лехиты били вразнобой, не прицельно, навесом. Луки у лехитов похуже степных русских, да и мост теперь перегораживал живой щит из павших людей и лошадей, так что русам было достаточно присесть и укрыться за щитами. Впрочем, обстрел длился недолго.

Услышав, как рывкнул на лучников вражеский командир, Илья выпрямился и выдернул из щита пяток угодивших в него гостинцев. Парочку отправил в колчан, остальные, совсем негодные, выбросил.

Лехит с простреленной рукой сумел выбраться из завала и, надо отдать ему должное, поступил храбро: заорал грозно, выхватил саблю здоровой рукой и кинулся на строй русов. В одиночку. Смерти искал. Нашел, понятное дело.

Спустя некоторое время две группы неприятельских всадников поскакали вдоль берега в раз-

ные стороны. Не иначе другое место для переправы искать.

Не очень хорошо. Значит, у врагов разумный командир, способный верно оценить положение.

— Эй, вы, там! — загремел зычный голос. — Освободите мост и останетесь живы!

— Мы-то останемся! — гаркнул в ответ Илья. — А вот вы, если сунетесь, точно помрете! Убирайтесь, откуда пришли!

— Ты кто такой, чтоб указывать? — откликнулись с того берега.

— Я тот, кто выпустит тебе кишки! — сообщил Илья.

— Это я тебе кишки выпущу! И скормлю крысам! Прочь с моста!

— А давай! — весело крикнул Илья. — Выходи биться один на один! Кто победит — того и мост!

— Не надо, — проворчал Малига. — Выйдешь — вмиг стрелу схлопочешь.

— Да ладно, — пихнул его локтем княжич. — Это ж лехиты. Они со ста шагов в свинью не попадут. — Эй, вы! Что молчите? В штаны наложили?

— Не согласятся они на поединок, — пробурчал Загрёба. — Их же в двадцать раз больше. Зачем рисковать?

— Затем, что это не копченые, а лехиты, — возразил Загрёбе Малига. — Они ж храбрецы. Саблями помахать любят не меньше, чем наши варяги.

— О, я б тоже подраться хотел, — оживился Рулав. — Давай, Илюха, сначала я, потом ты. По очереди. Так, поштучно, всех и перебьем. Эй вы! Шляхта мокрозадая! Будете драться?

С того берега заругались сразу в несколько десятков голосов, потом гвалт смолк и кто-то проорал:

— Не стреляйте! Я иду!

Илья увидел, как один из лехитов спешился и зашагал к мосту.

— Хорошая бронь у него, — отметил зоркий Загрёба. — Как думаете, пробью я ее с полутора сотен шагов?

— Ее пробью я, с двух шагов, — заявил Илья.

Сунул Рулаву лук, тул со стрелами, взял у Викулы свой щит и шагнул вперед, раздвигая строй.

Завал из людей и лошадей одолел просто: вспрыгнул на перила, пробежал шагов пятьдесят, соскочил с другой стороны и двинулся к середине моста. Остановился рядом с повешенным.

— За лучниками глядим, — процедил Малига.

Илья за лучниками тоже поглядывал на всякий случай. Но был уверен, что те стрелять не станут. По крайней мере до того, как он прикончит лехитского поединщика.

Тот выглядел интересно. Высокий, длиннорукый, в высоком шлеме и добротной кольчуге пониже колен. Вооружен лехит был тяжелой саблей и удлиненным большим щитом, который больше подошел бы всаднику, чем пешему. Впрочем, лехит и был всадником, спешившимся только для драки.

— Я — благородный Сбыслав из Скочувиц! — заорал лехит еще издали. — А ты кто?

— Годуном меня родители назвали, — сообщил Илья, решив, что его христианское имя лучше пока не называть. — А ты зови меня «Рыцарь Смерть Сбыслава». Это в самый раз будет! — Он вытянул меч, сбросил щит на левую руку и остановился посреди моста.

Первый удар нанес пан Сбыслав. Хороший удар, крепкий. Илья сбил его щитом и щитом же, бесхитростно, толкнул противника. Весу в Илье много,

да и силы с избытком, так что отлетел лехит сразу шагов на пять. Устоял.

— Экий ты пугливый, — отметил Илья. — Не шарахайся так. Я тебя быстро убью.

Лехит заругался злобно и снова наскочил.

С саблей он был хорош. Да вообще хорош. Подвижен, ловок. Ничуть не хуже опытного киевского гридня.

Но ему не повезло. Илья был лучше.

Однако убивать лехита княжич не торопился. Спешить ему было некуда, совсем наоборот. К тому же он надеялся, что вороги еще одного поединщика выставят, если этот *почти* победит.

В общем, дал Илья противнику возможность показать себя: оборонялся вполсилы, а атаковал хоть и мощно, но бесхитростно.

Лехит воспрял. Выкладывался по полной. Заходил то справа, то слева, рубил сверху и снизу, пытался достать краем щита. Вот только щит у него был для таких игр тяжеловат. Такой хорош для всадника — копье вражеское принять, а для пеших поединков не лучший вариант.

А вот у Ильи щит — в самый раз. Но для его плана игра щитом была не главной. Надо убить лехита как бы «случайно». И как это сделать, Илья уже придумал.

От могучего удара наотмашь, сверху вниз лехит увернулся легко. А вот перила моста — не смогли. Треснуло бревнышко. Илья ударил снова, вроде бы целя под колено, а на самом деле — в опорный столбик. Теперь осталось только подгадать, когда лехит оказался спиной к надрубленным перилам, и — последний удар, тоже понизу, но на этот раз не по столбику, а под колено лехиту, рассекая сухожилия. А теперь всем весом, с грохотом, щит в щит.

Лехита отбросило назад, на ограждение... Которое он проломил и с пронзительным воплем рухнул в реку.

Не всплыл, понятное дело. В такой броне даже нурман-норег не всплыл бы, не то что какой-то там Сбыслав из Скочувиц.

— Ну, кто еще?! — взревел Илья, размахивая мечом, но при этом очень внимательно отслеживая конную группу лехитов: не начнут ли стрелять?

Не начали.

На той стороне возникла перепалка. Сразу несколько воинов рвались принять брошенный вызов.

В спор вмешались командиры: длинноволосый германец в вороненой броне, восседавший на вороном жеребце, и массивный лехит в золоченом шлеме с длинными цветными перьями.

Победила германская сторона.

На мост, спешившись, выступил новый поединщик.

— Это мой, мой! — завопил за спиной Рулав.

Илья, воспользовавшись правом командира, только рукой махнул: дескать, не мешай.

Ого! Этот здоровенный! С Ильёу ростом, пожалуй. Щит тоже здоровый. И меч.

Разговаривать не стал. Сразу перешел к делу. Хрясь! Хрясь!

После упражнений с Гудмундом Ильёу этикие размахайки были вполне по силам. А вот щиту — нет. Щит выдержал только три удара и развалился. Илья того и дождался — швырнул обломки в рожу здоровяка, вынуждая того приподнять собственный щит, а сам хлестнул понизу, подсекая ногу противника.

Рассчитывал отрубить напрочь. Но то ли сапоги у здоровяка оказались с железными вставками, то ли по засапожнику попал. Ногу не отрубил — при-

ложил настолько основательно, что противник рухнул на колени и злобно выругался по-германски. Языка этого Илья толком не знал, но некоторые особые слова понимал и обиделся — рубанул попросту, сверху вниз, двумя руками.

Щит Ильи вынес три удара. А германский, хоть и был толще и даже с медным ободом по краю, треснул после первого. Подняться у здоровяка тоже не получилось. Вместо этого он с грохотом опрокинулся на спину. Илья же наступил ему на живот и, перехватив меч, будто копьё, с силой вогнал его в правое, прикрытое железом плечо германца. Тот выпустил свой меч и закричал. Однако прекратить мучения противника Ильи не успел.

Потому что враги поступили совсем не по Правде. Вмешались, даже не дождавшись, пока один из поединщиков отправится за Кромку.

Крик «Берегись!» и щелчки тетив вынудили Илью действовать быстро. И не было даже щита, чтобы укрыться. Да и вряд ли он защитил бы от нескольких десятков стрелков. Выход один — сигануть с моста в реку.

Что он и сделал.

А поскольку в полной броне Илья плавал ничуть не лучше Сбыслава из Сбочувиц, то сразу камнем ушел на дно. Вот только, падая, не стал орать, а, наоборот, вдохнул полной грудью. Уже через несколько ударов сердца Илья почувствовал под ногами дно и, не теряя время, двинулся к «своему» берегу. По прикидкам, следовало сделать каких-то шестьдесят-семьдесят шагов. Не так уж трудно, ведь он успел набрать в легкие воздуха.

Однако на деле все вышло не так гладко. Ближе к берегу дно сделалось топким, Илья проваливался в ил по колени и последние сажени преодолевал

уже за пределами сил: легкие разрывались, в голове гудело вечевое било...

Но — вытянул.

Некоторое время Илья стоял по горло в воде и утонул в иле по нижний край кольчуги. Стоял и просто дышал. Потом начал воспринимать окружающее. Видеть ничего не видел сквозь заросли рогаза, зато слышал отлично.

И по звукам определил: лехиты пошли в атаку. И сейчас вовсю рубились с его воями.

Пеше рубились. А он тут прохлаждается! Ух и холодна в реке водичка!

Илья бросился к своим. Топь и тростник здорово мешали, но остановить княжича не могли. Сломав тоненький ледок у берега, Илья выбрался на сушу.

С первого же взгляда стало ясно: русы держались. И неплохо. Смять строй у лехитов не получалось. А вот умирать — вполне. Илья увидел, что Рулав и Гудмунд поменялись местами: варяг встал в первый ряд, а нурман назад. И бился так, как обычно бьются в строю нурманы: шуровал из-за спины Рулава огромным копьем, круша лехитские щиты и рожи.

Илья засмеялся: хорошо получилось! Сам живой, друзья живы и стоят крепко.

Настолько крепко, что княжич даже позволил себе присесть, чтобы вылить воду из сапог. Еще бы подкольчужник отжать, а то холодновато. Ну ничего. В бою согреется. Жаль, лука нет: позиция больно хорошая. Атакующие лехиты как тетерева на полянке. Часть перелезла через убитых, собрала строй и довольно вяло обменивалась ударами с русами. Вялость эта объяснялась просто: позади другая группа лехитов растаскивала завал из мертвых лошадей. Дело непростое, потому что Загрёба и Ма-лига не дремали и старательно выцеливали тех, кто

оплошает. Лехиты это понимали, потому береглись, как могли, и у них пока обходились без особых потерь. Очень скоро мост будет расчищен и неприятель получит возможность выставить не десяток, а сотню воев, строй глубиной самое малое в десять рядов. Вот тогда, навалившись сотенной массой, лехиты попросту выдавят русов с моста.

Те, кто окажется впереди, скорее всего, погибнут, но и у русов будут потери. Когда стена щитов упирается в стену щитов, мастерство уходит на второй план, а на первый — удобное оружие, крепость самих щитов, слаженная работа и, конечно, численное превосходство. И почти все преимущества будут у лехитов. Более прочные щиты, копья против мечей, а главное — численность. Навалятся гуртом и попросту выдавят русов с моста.

Дальше исход предreshен. Несколько десятков всадников, включая командиров и знаменосцев, остались на берегу. В готовности. Часть — с луками, часть — с копьями.

Когда выдавленные с моста русы побегут, конные поскачут на другой берег и без труда достанут беглецов. Пешему от всадника с саблей или копьем убежать непросто, а от стрел — и вовсе никак. Тем более когда стрелков много больше, чем убегающих. Смять строй русов, а потом добить тех, кто уцелеет. Отличный план.

Что ж, поглядим, как у них получится.

Илья натянул сапоги и побежал к мосту.

* * *

— ...И будут держать, пока смогут, — завершил рассказ Миловид. — Так Илья Серегеич сказал.

— Удачно он их перенял, — сказал ярл Сигурд. — Повезло нам.